

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ИДЕОЛОГИИ ДЕСПОТИЗМА

Таран П. Е.

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина

На материале истории политических учений и учений о государстве и праве в статье реконструируются базовые установки идеологии, которая обосновывает и оправдывает деспотическую форму правления. Это оправдание связано с юридическим позитивизмом, патернализмом и этатизмом.

Ключевые слова: легизм, деспотизм, патернализм, этатизм, идеология.

Кажется, что политическая история 20 века уже дала необходимый и горький урок, в результате которого должна появиться «прививка» от такой опасной политической «болезни» как диктатура. Однако опасность и симптомы такой болезни могут появиться каждый раз, когда в обществе наступает пора существенных перемен, смены правящей элиты, пересмотра законодательства, необходимости конституционных изменений или всего того, что принято считать процедурой легитимации власти. Понятная потребность в стабильности, призывы «положить конец политической болтовне», «навести порядок», ожидания, а порой и жажда «твердой руки» и «сильной власти» вполне могут привести к реставрации того, что было, и не раз, началом каждый раз нового «урока истории». В этих условиях особого, пристального внимания и тщательного анализа требует деятельность идеологов, способных порой незаметно для неискушенного ума «электората» протащить в партийные программы существенные элементы апологии диктатуры и деспотической власти. Такая апология и может стать оправданием необходимости, политической и правовой целесообразности деспотизма как наиболее оптимального и разумного типа власти, якобы необходимого и неизбежного в создавшихся условиях.

Цель статьи – на материале истории политических учений и учений о государстве и праве выявить основные характерные черты, свойственные всем вариантам идеологии, оправдывающей и обосновывающей необходимость власти диктаторского типа.

Деспотизм как главная характеристика диктаторского правления всегда связан с произволом власти, ее концентрацией в руках главы государства (вождя, диктатора, царя, правителя и т.д.), с подавлением инакомыслия всеми средствами, включая насилие, с опорой на армию с целью укрепления государственного аппарата. Законные изменения такой власти, опирающееся на юридические санкции, в таких условиях невозможны, ибо отсутствуют механизмы реализации гражданской свободы, само гражданское общество сливается с государством, а главная цель последнего – самосохранение и усиление. Свержение такой власти требует огромных жертв, избежать которых можно только недопущением такой власти. Для этого необходимо знание механизма ее возникновения и устройства, логики выработки ее теоретических основ, тех принципов, в опоре на которые появляется идеология, защищающая, оправдывающая и обосновывающая необходимость такой власти. История учений о

государстве и праве дает необходимый материал для получения такого знания. Исходя из её обширного материала, мы можем сделать выводы относительно тех оснований, на которых всегда и везде зиждется идеология, направленная на защиту интересов деспотизма.

С общемировоззренческих позиций эта идеология исходит из идеи единого мирового целого, всегда используя принцип, нашедший удачную формулировку в эмпириокритицизме – принцип «экономии мышления». Стремление к простоте, ясности и отсутствию «лишних сущностей», склонность к «позитивному мышлению» свойственна всем интересующим нас теоретикам. Такой простой идеей является, например, «Единое» в учении легистов, которых можно считать «пионерами» среди апологетов власти диктаторского типа.

Деспотическое государство, по Шан Яну, должно было быть воплощением Единого – и, унифицированным, упорядоченным, царством единомыслия. Для достижения и оправдания такого единства Шан Ян выдвигает новую, неизвестную ранее в Китае концепцию наказания, отказываясь признать наличие какой-либо связи между мерой наказания и тяжестью содеянного преступления. Более того, наказания станут действительно эффективными тогда, когда будут осуществляться превентивно – до совершения преступления: «Если наказания будут применяться уже после того, как преступление совершено, невозможно искоренить злодеяния; если люди будут награждаться лишь за то, что считается справедливым, проступки не исчезнут. А там, где наказаниями невозможно пресечь злодеяния, а наградами проступки, неизбежна смута. Поэтому стремящийся к владычеству в Поднебесной должен наказывать еще до того, как совершен проступок, тогда исчезнут и тяжкие преступления, когда станут награждать людей, сообщивших о злодеяниях, то не ускользнут даже самые малейшие проступки... когда же этот метод будет распространен на всю Поднебесную, то будет восстановлена добродетель. Таков мой [метод] возврата к добродетели путем смертных казней и примирения справедливости с насилием» [1, с. 222-223]

Стремясь повысить эффективность метода наград и наказаний, Шан Ян предложил ввести в стране систему круговой поруки, разбив население на группы семей, обязанных постоянно наблюдать друг за другом и доносить властям о всевозможных нарушениях закона и об инакомыслящих. Он разработал серию мер, охвативших все слои населения. Круговой порукой связывались не только родственники (отец отвечал за сына, жена – за мужа и т.п.) и соседи, но и люди, занятые общим делом. Он предложил в частности использовать эту систему и в армии, разбив ее на пятерки – это должно было помочь покончить с дезертирством. Широкое распространение круговой поруки позволяло правителям держать всех жителей царства в постоянном страхе и полном подчинении. По замыслу ее автора, система круговой поруки создавала благоприятные предпосылки для воспитания хороших подданных. Идея такого абсолютного и всепроникающего контроля над мыслями и поступками людей была самым ярким вкладом Шан Яна в теорию управления деспотическим государством [см. 2].

Идея единств, объединяющего все события мировой истории, известна и Макиавелли Н. Автор «Размышлений на первую декаду Тита Ливия» утверждает:

«Размышляя об историческом ходе событий, я прихожу к убеждению, что свет всегда одинаков, и что в нем всегда одинаково много зла и добра; но это зло и добро переходят из страны в страну, как мы видим из истории древних государств, которые изменялись вследствие перемены нравов, но мир сам по себе оставался один и тот же» [3, с. 264]. Государства возвышаются, достигают вершин величия, гражданской доблести и могущества, затем приходят в упадок и гибнут – этот круговорот рассматривается Макиавелли как результат воздействия Фортуны-Необходимости. Анализ событий мировой истории становится возможным потому, что мир людей для Макиавелли столь же неизменен, как и мир природы. За постоянной изменчивостью, за непрестанными изменениями государственного устройства, за переходом владычества от одних держав к другим, за возвышением и крушением властителей просматриваются постоянство и неизменность человеческой природы, а стало быть, постоянство и неизменность тех закономерностей, которые движут людьми и государствами и которые именно потому и могут, и должны стать предметом трезвого анализа. Впрочем, это воздействие не фатально. Для него история – это политический опыт прошлых веков, а политика – ныне, сейчас творимая история, и в них успех человеческого деяния зависит не только от судьбы, но и от того, в какой мере человек-политик сумеет ее понять и ей противостоять. Вот почему, изложив в прославившей его книге «Государь» правила политического действия, которое должно привести к успеху в создании нового государства, Макиавелли в последней главе книги специально разбирает и опровергает мнение, будто дела мира направляются судьбой и богом, что люди, с их умом, ничего изменить в этом не могут, а наоборот, совершенно беспомощны. Человеческая деятельность может приспособиться к судьбе, учитывать ее ход, узнать, угадать, понять границы возможного, действовать в соответствии со временем – это и есть задача политического деятеля, а определить общие закономерности этого движения времени – задача политического мыслителя, наставника государя [см. 4].

Эта идеология всегда исходит из анализа того, что есть, а не того, что должно быть, другими словами, в ней отсутствует деонтологический аспект. Его отсутствие поддерживается мыслью о том, что единственная реальность есть сущее, то, что существует, то, что позволяет действовать, ставить цели и достигать результатов. Это позволяет чаще всего выдвигать на первый план принцип «цель оправдывает средства» как главное политическое основание, фундамент политической жизни общества и государства. Но более существенная импликация «деонтологической нищеты» рассматриваемой нами идеологии состоит в отсутствии четкого различения областей права и морали, права и закона. Показательно в этом отношении, например, учение Гоббса Т. о естественных законах. Всего их он насчитывал двадцать, и они требуют соблюдения правил благодарности, признательности, скромности, милосердия, прощения, неприкосновенности посредников мира, беспристрастного и нелицеприятного решения споров, а также правило, вскрывающее неприглядность, глупость и аморализм пьянства [см. 5]. В конечном счете, все они сводятся к «золотому правилу морали», известному многим народам и культурам, но, к сожалению, не везде и не всегда соблюдаемому, оно и служит основой процесса самоограничения неистребимого человеческого эгоизма. Но для их полного проявле-

ния необходим общественный договор, устанавливающий государственную власть. Лишь ее приказания придают естественным законам повелительную силу закона гражданского права. Различие между юридическими и естественными, а фактически, моральными законами, по Гоббсу, состоит в сущности лишь в том, что гражданские законы – писанные, а моральные – неписанные. Для автора «Гражданина» и «Левиафана» государство – прежде всего институт, реализующий разумность человеческой природы, ибо только в условиях гражданского состояния человек становится подлинно моральным существом, каковым он не может быть в состоянии естественном,

Исходя из анализа сущего, наличного бытия вещей, эта идеология рассматривает человека как существо, прежде всего, эгоистичное, так как в нем преобладает животное стремление к самосохранению, и агрессивное по той же причине. В этих условиях государство становится гарантом не только соблюдения общественного порядка, моральных норм и человеческого облика, но и просто самосохранения человеческого рода. Ради этого сохранения государство (правитель) использует все то, что призвано сдерживать: порочность, хитрость, алчность, вероломство людей. Однако, доминантой, на которую делает ставку система государственного контроля, является страх как единственно сильная эмоция, способная сдерживать людскую агрессию. Неслучайно в таком государстве наказания будут иметь примат по отношению к наградам.

Внеморальный статус придает политике и Макиавелли Н., что позволяет ему утверждать единственный критерий оценки политической деятельности – достижение поставленных целей, польза и успех. Хорошо все то, что способствует укреплению государства, а не уводит нас в мир иллюзий и воображаемых ценностей. Герой его «Государя» – разумный, трезвый политик, применяющий на практике правила политической борьбы, ведущей к укреплению его государства. Он отвергает распространённые в литературе эпохи гуманизма сочинения об идеальных государствах и идеальных государях, отвечающих представлениям о должном облике политики: «Многие измыслили республики и княжества, никогда не виданные и о которых ничего не было известно» – пишет он. Цель его работы «Государь» – серия практических советов практическому политику ради достижения реального результата. Только с точки зрения так понятой практики Макиавелли рассматривает нравственный облик государя: «Между тем, как живут люди, и тем, как должны они жить, – расстояние необъятное; кто для изучения того, что должно быть, пренебрежет изучением того, что есть в действительности, тем самым вместо сохранения приведет себя к гибели: человек, желающий в наши дни быть во всех отношениях чистым и честным, неизбежно должен погибнуть в среде громадного, бесчисленного большинства. Из этого следует, что всякий государь, желающий удержаться, может и не быть добродетельным, но непременно должен приобрести умение казаться или не казаться таковым, смотря по обстоятельствам... государь не должен бояться осуждения за те пороки, без которых невозможно сохранение за собой верховной власти...» [6, с. 76-77].

Деспотизм как форма правления и как идеологическое образование – это всегда этатизм, абсолютизация роли государства в обществе и признание необходимо-

сти вмешательства государства во все сферы жизни гражданского общества. В таком обществе над толпой равных и похожих друг на друга людей возвышается гигантская охранительная власть, следящая за судьбой каждого в толпе. Целью существования такого государственного гиганта является он сам, все в нем направлено на сохранение и упрочение его мощи и величия. Характеризуя процесс образования государства, Гоббс пишет: «Таково рождение того великого Левиафана, или, вернее, (выражаясь более почтительно), того смертного бога, которому мы владычеством бессмертного бога обязаны своим миром и своей защитой. Ибо благодаря полномочиям, данным ему каждым отдельным человеком в государстве, указанный человек или собрание лиц пользуется такой огромной сосредоточенной в нем силой и властью, что внушаемый этой силой и властью страх делает этого человека или это собрание лиц способным направлять волю всех людей к миру внутри и к взаимной помощи против внешнего врага. И в этом человеке или собрании лиц состоит сущность государства, которая может быть определена как единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как оно сочтет это необходимым для их мира и общей защиты» [7, с. 133]. Носитель этого лица – суверен, обладающий верховной и неотчуждаемой властью.

Можно заметить определенную эволюцию формулировок мыслей о статусе суверена на страницах «Гражданина» и «Левиафана». Если в первом издании «Левиафана» Гоббс использовал термин «общественное благо» (*commonwealth*) как синоним термина «республика», но после реставрации Стюартов в издании 1668 года заменил этот термин на «монархия». Однако, на всем протяжении своей деятельности он оставался ярко выраженным этатистом, сторонником сильной и централизованной государственной власти, противником ее разделения, которое, по его мнению, только ослабляет власть.

Мысль о человеке как творце государственности связывает Гоббса с мыслью о создании людьми государства путем отчуждения значительной части принадлежащих ему прав. Возникшее таким образом государство не случайно именуется «великим Левиафаном», библейским чудовищем, символизирующим огромную силу и неодолимость человеческого изобретения. Левиафан, созданный людьми, приобретает самостоятельность, возвышается над ними, выходит из-под их контроля. Он властен над своими подданными-гражданами, а они под ним сплошь и рядом безвластны.

Среди полномочий суверена Гоббс специально выделяет такие, как установление законов, наказание нарушителей законов, объявление войны и заключение мира, отправление правосудия, установление законов о собственности, учреждение системы органов, запрещение вредных учений, ведущих к нарушению мира и т.д. Однако, этим полномочия суверена не ограничиваются, так как перечисленными подразумеваются и другие, необходимые для задач государства. Верховная власть в любой форме государства носит, по Гоббсу, абсолютный характер, она так обширна, как это только можно себе представить. Касаясь вопроса об обязанностях суверена, он замечает: «Обязанности суверена (будь то монарх или собрание) определяются той целью, ради которой он был облечен верховной властью, а именно це-

лью обеспечения безопасности народа, к чему он обязывается естественным законом и за что он отвечает перед богом. Творцом этого закона, и ни перед кем другим» [6, с. 254].

Этатистская установка идеологии деспотизма имеет сильную тенденцию в сторону патернализма, при котором государственная власть неизбежно приобретает черты власти отцовской. Государственное управление при этом превращается в систему принципов и практик, построенных по парадигме воспитания и контроля отца над детьми. За таким патерналистским попечительством стоит тотальная власть, ибо паства (или дети) не может жить без своего пастыря (или отца), она неспособна к самостоятельному существованию, она граждански несамостоятельна. Такая несамостоятельность выливается в пассивное подчинение вкуче со всеподавляющим и деспотическим контролем.

Этатизм и патернализм государственной власти, основанный на человеческом эгоизме и страхе, неизбежно придает правовой системе такого государства характер легизма как утверждения главенства закона в жизни государства. В таком контексте вопрос о легитимности власти размывается и даже если ее происхождение обосновывается общественным договором, механизм ее установления и поддержания целиком сводится к отказу (в том числе и добровольному) от свободы и ее отчуждению в пользу суверена. Легитимность такой власти подкрепляется лишь законами, указами и держится на насилии и страхе. Отсутствие разделения власти и ее концентрация в руках правителя объясняется насущными нуждами укрепления государства.

В целом идеология, защищающая и обосновывающая необходимость власти деспотического типа, исходит из мировоззрения юридического позитивизма, для которого позитивное (действующее) право сводится к совокупности законов, а те, в свою очередь, являются приказами правителя. В условиях государственности, в соответствии с этой идеологией, право, закон и приказ тождественны, а значит, все, что приказывает государственная власть, есть право. В таком понимании граница между правом и произволом размывается. Фактически, «юридический позитивизм» связан, выражению К. Поппера, с «этическим позитивизмом», отрицающим моральные критерии оценки происходящего, ибо они происходящим и задаются. Вкуче с невыделенностью права как сферы формального равенства, свободы и справедливости такой позитивизм не оставляет препятствий для апологии деспотизма и тоталитаризма.

Список литературы

1. Книга правителя области Шан // Древнекитайская философия : [Собрание текстов в двух томах]. – М. : Мысль, 1973. – 856 с.
2. Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая / Л. С. Переломов. – М. : Наука, 1981 – 550 с.
3. Н. Макиавелли. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве / Н. Макиавелли. – Минск, 1998. – 256 с.
4. Юсим М. А. Этика Макиавелли М. А. Юсим. – М. : Наука, 1990. – 428 с.
5. Гоббс Т. Основ философии часть третья. О гражданине.// – Гоббс Т. Сочинения в двух томах. – М. : Мысль. – . – Т.1. – 1989. – 450 с.

6. Макиавелли Н. Государь / Н. Макиавелли – М. : Планета, 1990. – 185 с.

7. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. // Гоббс Т. Сочинения в 2 т.– М. : Мысль. – . – Т. 2. – 1991. – 547 с.

Таран П. Є. Політико-правові підстави ідеології деспотизму / П. Є. Таран // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія : Юридичні науки. – Т. 23 (62). № 2. 2010. – С. 57-63.

На матеріалах історії політичних вчень і вчень про державу та право у статті реконструюються базові установки ідеології, що обґрунтовують та виправдовують деспотичну форму правління. Це виправдання пов'язане із юридичним позитивізмом, патерналізмом та етатизмом.

Ключові слова: легізм, деспотизм, патерналізм, етатизм, ідеологія.

Taran P. Political and legal Foundation of the Ideology of Despotism / P. Taran // Scientific Notes of Tavrida National V. I. Vernadsky University. Series: Juridical Sciences. – 2010. – Vol. 23 (62). – № 2. – P. 57-63.

This article gives a reconstruction of the ideology of despotism. Its ground statements makes possible to legitimate and validate the despotic type of government. This legitimation has the germaneness with the juridical positivism, paternalism and etatism.

Keywords: Legalism, despotism, paternalism, statism, ideology.

Надійшла до редакції 19.10.2010 р.